

МИДДЛ-ЛИТЕРАТУРА В СОВРЕМЕННОЙ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ СИТУАЦИИ

С. Л. Страшнов

Ивановский государственный университет

Поступила в редакцию 15 февраля 2015 г.

Аннотация: *предпринимается попытка осмыслить феномен адресованных современному среднему классу прозаических произведений, которые рассматриваются в контексте сопутствующих социальных, художественных и медийных явлений.*

Ключевые слова: *беллетристика, средний класс, миддл-литература, миддл-пресса, конвергенция.*

Abstract: *attempts to explore the phenomenon addressed to a modern middle-class prose works, which are discussed in the context of related social, artistic and media phenomena.*

Key words: *fiction, middle class, middle-literature, middle press, convergence.*

В эстетическом табеле о рангах есть литература элитарная и тривиальная, но кроме того – как явление переходное – существует обычно еще и беллетристика. По определению В. Е. Хализева, «это литература «второго» ряда, необразцовая, неклассическая, но в то же время имеющая неоспоримые достоинства и принципиально отличающаяся от литературного «низа» («чтива»), т. е. срединное пространство литературы» [12, 132]. Широкое хождение беллетристика имела в XIX столетии (М. Загоскин, В. Крестовский, Н. Лейкин), а советский период, в целом тяготевший к выделению мейнстрима и даже к унифицированию, фактически ее культивировал: от вульгарной продукции мелкого пошиба ограждала население педагогически насупленная власть, а классику под свой уровень адаптировала массовая аудитория, сводившая «Анну Каренину» к недостижимому «женскому» роману, а «Братьев Карамазовых» к редкодоступному детективу.

Возродившийся в 1990-е годы рынок заполнил прилавки прежде всего реальной паралитературой. И она буквально захватила население страны: заговорили даже об опрощении элит – о том, что «происходит сближение вкусов более подготовленной и менее подготовленной публики, общая массивизация культурного досуга» [3, 351]. Однако отдадим должное: вскоре фастфудом насытившись, немалая категория читателей отшатнулась от примитивных и бескрылых книжек, справедливо увидев в них зеркало собственной культурной деградации. Экономическая стабилизация начала нового века явно способствовала активному формированию в России так называемого среднего класса, вытеснявшего традиционную интеллигенцию. Сотрудников бесчисленных советских НИИ, знакомившихся с модными произведениями подчас прямо на рабочем месте,

сменили умеренно состоятельные офис-менеджеры, пиармены, госслужащие пристойных чинов, которым во время обеденных перерывов и на светских тусовках приходится самоутверждаться, обсуждая не только покупку машин или ипотеку, но также самые рейтинговые тексты и собственные впечатления по их поводу. Эти люди и создали запрос на соответствующую себе – миддл-литературу.

Они неплохо представляют конъюнктуру современных книжных предложений, считают зазорным опускаться до новинок откровенно низкопробных, но инстинктивно сторонятся и артхауса. Проще сказать, им не хочется сливаться с толпой, но равно неприемлем и снобизм, задевающий высокомерно выносимыми на обложку предупреждениями вроде «Журнал не для всех», презрительными газетными заголовками – типа: «Гергиев не для средних умов» [10, 8]. С. Чупринин, первым у нас введший термин «миддл-литература», не слишком затрудняясь, предположил, что к ней «с равными основаниями можно отнести как «облегченные» варианты высокой литературы («серьезность light», – по остроумному наблюдению Михаила Ратгауза), усвоение которых не требует от читателей особых духовных и интеллектуальных усилий, так и те формы массовой литературы, которые отличаются высоким исполнительским качеством и нацелены отнюдь не только на то, чтобы потешить публику» [11, 153].

Соображения престижности, потребность находиться в тренде, стало быть, дополняются надеждой, что произведения будут обладать определенными полезными качествами. И что характерно: притягательны не только современный антураж, знакомая или лакомая фактура – иначе главными авторами оказались бы С. Минаев да О. Робски. Нет, началась миддл-литература в сегодняшней России, пожалуй, все-таки с В. Пелевина, причем не того, который стал в 2000-х избыточно эзотеричным и вялотекущим

(хотя в кумирах он по инерции держится и по сей час), а с «Чапаева и Пустоты» (1996) и «Generation П» (1999) – романов, написанных на разном материале, но одинаково изобретательно и энергично. Список обязательного чтения для представителей среднего класса чуть позднее включил и такие имена, как А. Слаповский, Д. Быков, Б. Акунин, В. Токарева, Л. Улицкая, Д. Рубина, Л. Юзефович, О. Славникова... А некоторые писатели попадают в постоянно расширяющийся ряд лишь одним из своих текстов – такое случилось, например, с «Письмовником» высокопородного М. Шишкина.

Общим свойством миддл-литературы является то, что она интересна подобной аудитории не столько захватывающей фабульностью, сколько вызываемым художественными произведениями (и это идет вразрез с мнением Чупринина) умственным и эмоциональным напряжением. Так называемый «средний читатель» проявляет неожиданную для кого-то готовность к развитию, «окультуриванию» собственной среды. И. Роднянская очень удачно данную популяцию охарактеризовала: «Это основательные, обеспеченные, продуктивные люди, для которых натренированность ума, цивилизованность вкуса, эрудированность в рамках классического минимума так же желанны, как здоровая пища, достойная одежда и занятия в фитнес-центрах» [9, 174].

Получается, что для сравнительно недавних вузовских выпускников вновь появившиеся литературные тексты становятся одним из важнейших ресурсов непрерывного процесса самообразования, внутреннего просветительства. Причем особенности данного феномена и сближают, и разводят нынешний средний класс с отечественными интеллигентами. Те на протяжении долгого времени были, в основном, экстравертами, чья деятельность предполагала центробежность, помощь другим (народу, пастве, питомцам, больным, обездоленным). Представители нового промежуточного слоя куда эгоистичнее, по преимуществу они заняты самосовершенствованием. Их трудно вообразить в роли наставников – даже посредниками-проводниками они оказываются лишь для своих коллег и собратьев.

Вопреки потенциальным предположениям, функция миддл-литературы не только досуговая, тем более – развлекательная. На почве формульных жанров: детектива, фэнтези, мелодрамы – создаются интеллектуально насыщенные и психологически глубокие произведения, способные превосходить непосредственные запросы и ожидания. Так, Акунин, Юзефович, Быков привлекают возможностью расширить исторический кругозор, причем на таких участках, где заканчиваются компетенции учебников и хрестоматийной классики. Пелевин, Слаповский, Славникова остротой, выстраивая сюжеты подчас совершенно невероятные, позволяют острее

разбираться в непростых перипетиях и реалиях окружающего. Токарева, Улицкая, Рубина с юмором и сантиментами, но всегда зрело и тонко раскрывают глаза на нюансы семейных отношений. А есть ведь еще и В. Маканин, и Т. Толстая, и М. Веллер, и Д. Липскеров, и Ю. Буйда, и Р. Сенчин, и А. Иванов, и В. Бенигсен, также обеспечивающие познание мира в увлекательной, даже захватывающей форме, что всегда воспринималось в качестве неперемennого достоинства популяризации. О творческой прозорливости и провокативности последнего писателя, например, замечено: «На исходе нулевых в русской литературе появился прозаик, умеющий внятно пересказывать обществу им же самим порожденные мифы» [6, 186].

Для сравнения: массовая культура фактически исключает авторство как личностную акцию – под давлением стандарта, а порой и в условиях разделения труда она в определенной степени становится анонимной. Здесь коллективный производитель обращается к коллективному же потребителю, рассчитывая на мгновенное усвоение и мгновенный успех. Бестселлер и «мыльная опера» – продукты хорошо знакомые и усваиваемые, создаваемые не для дегустации, а для поглощения, быстрого и одноразового. Адресат массовой культуры принципиально недиалогичен, это не индивид, склонный к поискам и способный к духовному росту, а реципиент более или менее типовой, который находится во власти стереотипов и ничуть не испытывает при этом дискомфорта. Творец же постоянно нарушает (хотя бы в известных рамках) правила, путает карты, и новому классу читателей подобное импонирует. Они предпочитают литературу, в которой уравновешены современное и непреходящее, доступное и оригинальное, приземленное и возвышенное.

Лет десять-пятнадцать назад основная часть перечисленных выше писателей была представлена в «толстых» журналах, которые продолжают оставаться идейно-творческой цитаделью интеллигенции, но позднее – и опять же большинство – предпочло выпускать новые произведения сразу книгами, в том числе доступными для скачивания на стационарные компьютеры и ридеры. Это сообщает художественному потреблению дополнительную комфортность, столь значимую для читателей постигаемого типа. Показательно, что и рецензируется миддл-литература теперь всё больше в изданиях не «толстых», а глянцевого, где она чаще всего не взыскательно оценивается, а рекламно подается. Впрочем, как свидетельствует социолог, ориентируясь примерно на тот круг людей, которые вливаются в средний класс, многих из них «считают чтение очевидной ценностью» [2, 46], – что, конечно, существенно формату, в котором оно совершается: бумажном или электронном.

Именно ценностное понимание мира и искусства не позволило среднему классу стать адептом постмодернизма. Неслиянно с ним, несмотря на отдельные точки соприкосновения, и миддл-литература. Возьмем, к примеру, роман Б. Акунина «Внеклассное чтение», где совмещаются разные временные планы, присутствует интертекстуальность, но зато полностью отсутствуют любые признаки «смерти автора» (характерной, как мы отмечали, еще и для массовой культуры) – произведение воспринимается как целостное, утверждающее взаимодействие эпох, преемственность человеческих типов. Так что акунинская полистилистика – примета не постмодернистского, а скорее просветительского проекта. Наряду с сегодняшними реалиями «Внеклассное чтение» погружает современников в события конца XVIII столетия и проблемы гендерной психологии, побуждает перечитывать, а то и открывать для себя в прошлом Н. Карамзина, А. Радищева, И. Крылова (как прозаика, а не баснописца!) – да хотя бы и «Капитанскую дочку».

Динамично существующий слой населения живо интересуется сегодня многим: он идентифицирует себя и в медийном пространстве, и в смежных с отечественной беллетристикой художественных сферах. И везде средний класс находит приемлемые модели. В зарубежной прозе таковы П. Коэльо, Х. Мураками, Э. Л. Джеймс, Ф. Бегдебер, М. Уэльбек. В русской поэзии это В. Павлова, В. Полозкова, В. Емелин, Т. Кибиров, вездесущий Д. Быков. В живописи – Н. Сафронов, в театре Е. Гришковец, в кино, разумеется, не А. Сокуров или А. Герман-старший, а, допустим, А. Смирнова с фильмами «Два дня» и «Кококо». Кстати сказать, основой культовых кино- и телефильмов нередко становятся именно лидеры миддл-литературы: вспомним «Generation П», «Казарозу», «Статского советника», «Казус Кукоцкого», «На Верхней Масловке». А в качестве объединяющих начал выступают, помимо полезности и занимательности, еще и социальность, гуманизм, представленные, правда, скорее по-житейски, чем в бытийном либо идеологическом ключе. Опять-таки для сравнения: нынешняя элитарная литература замкнута в себе и обособлена – в том числе и по причине отказа от этой самой социальности.

Отдельного разговора заслуживают, видимо, медийные предпочтения среднего класса, а также соотношения миддл-литературы и миддл-прессы. Последнюю никак не отнесешь к нишевой, она гораздо шире своих родственников в искусстве и объединяет потребительские издания, научно-популярные журналы, газеты «общего интереса» (подобные «Аргументам и фактам»), квалюиды (вроде «МК»), качественный глянец. Сразу оговоримся, что к журналистскому постмодерну – иронии, стебу, инфотейнменту – средний класс относится лояльнее, чем к художественному. А вот массовая пресса отверга-

ется решительнее массовой же культуры, поскольку бульварщина информационная – за счет предельной конкретизации фактов и их извращения, опоры на слухи и сплетни – выглядит гораздо низкопробнее и агрессивнее. Рацион поклонников Юзефовича вполне может допустить Дашкову, но аудитория «Собеседника» – при всей своей многоликости – вряд ли опустится до «Желтой газеты».

И все-таки будем отдавать себе отчет в том, что по законам логики положение промежуточное, компромиссное всегда беременно не только синтезом, но чревато усреднением, нейтрализацией, даже эклектикой. Б. Пастернак в романе «Доктор Живаго» писал про советское «бедствие среднего вкуса», которое «хуже бедствия безвкусицы» [7, 474]. Сегодняшняя конвергенция трафаретного и изысканного также оценивается крайне неоднозначно. Кого-то обнадеживает подрыв иерархии – взаимное доверие [1, 193–202]. Другие опасаются вульгаризации, опошления высокой культуры [5, 19], превращения ее в собственный эрзац. «Высокое чтиво» – а так названа одна из статей Н. Ивановой – пожалуй, все-таки оксюморон [4, 181–188].

С другой стороны, лингвисты давно заметили, что пуризм ведет к вырождению общепонятного, литературного языка, а обогащают его как раз просторечия и иные заимствования со стороны. Исходя из того, что культура – тоже норма, современные интеллигенты тем не менее интерпретируют ее подчас слишком ригористично, ратуя за канонизацию классики, а некоторые из соприродных себе СМИ превращая в подобие музеев и резерваций. Но не это ли приводит высокое искусство в разряд аутсайдеров [8, 146], а интеллигенцию к фатальному выпадению из современности? Средний класс раскованнее и шире в толковании нормы, но нетерпим он и к постмодернистскому безразличию, безответственности. Культура и общество, в таком представлении, не способны развиваться в избыточно узком диапазоне – в отсутствии творческой свободы и социальных лифтов. Именно движение, взаимообмен организуют сегодня жизнеспособную общественную страту и его литературу. Последняя, не превращаясь в главное течение – мейнстрим, способно все-таки, наряду с миддл-прессой и досягаемо неэлементарным кино, объединять тех, кто в условиях демассификации мог бы утратить любые прочные связи.

Беллетристика представляет собой доступный меседж автора демократической публике, которую он хотел бы приподнять на более высокую ступень понимания жизни и творчества. Кто-то скептически воспринимает вероятность подобного процесса – как и то, допустим, что после телевизионных экранизаций классики (а удач за последние десять лет было немало: «Идиот», «Доктор Живаго», «Мастер и Маргарита», «Бесы», «Куприн»), резко возрастает число желающих впервые прочесть исходное сочинение.

Но для распространения и укоренения подлинной культуры ей в сегодняшних условиях, действительно, необходима интеграция, преодолевающая сопротивление неслагаемой разноросности субкультур. Вот и миддл-литература, которая, помимо модели восприятия, содержит еще его потенциал, состоятельна лишь тогда, когда она рассчитана не на ограниченно-го потребителя, а на инноватора – человека с креативными задатками, склонного к саморазвитию.

В своей повседневной жизни мы чаще всего склонны не столько перечитывать и пересматривать, сколько знакомиться с чем-то новым: книгами, спектаклями, фильмами, – и нам неплохо бы заранее обзавестись надежными критериями, выработать иммунитет против пошлости, воспитывать вкус. Читатели миддл-литературы открыты возникающим культурным явлениям, хотя и не всегда готовы пока к адекватному постижению. Что же касается восхождения к классике, то оно всегда проблематично. Но ведь и не исключено.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бакши Л. Другое пространство / Л. Бакши // Знамя. – 2005. – № 4.
2. Борусяк Л. Ф. Чтение «живое» и чтение «мертвое»,

или Неизбежность вырубки «Вишневого сада» / Л. Ф. Борусяк // Литература. – 2014. – № 12.

3. Дубин Б. В. Слово – письмо – литература : Очерки по социологии современной культуры / Б. В. Дубин. – М., 2001.

4. Иванова Н. Высокое чтение : стратегия литературного выживания / Н. Иванова // Знамя. – 2013. – № 10.

5. Корнев С. Выживание интеллектуала в эпоху массовой культуры / С. Корнев // Неприкосновенный запас. – 1998. – № 1.

6. Муратханов В. Мифы новых славян / В. Муратханов // Октябрь. – 2011. – № 5.

7. Пастернак Б. Доктор Живаго : Роман / Б. Пастернак // Собр. соч. : В 5 т. – Т. 3. – М., 1990.

8. Проблематика СМИ : Информационная повестка дня : учеб. пособие для студентов вузов. – М., 2008.

9. Роднянская И. Гамбургский ежик в тумане : Кое-что о плохой хорошей литературе / И. Роднянская // Новый мир. – 2001. – № 3.

10. Тимофеев Я. Гергиев не для средних умов / Я. Тимофеев // Известия. – 28 дек. – 2011.

11. Чупринин С. Звоном щита / С. Чупринин // Знамя. – 2004. – № 11.

12. Хализев В. Е. Теория литературы / В. Е. Хализев. – М., 1999.

*Ивановский государственный университет
Страшнов С. Л., доктор филологических наук, профессор*

*Ivanovo State University
Strashnov S. L., Doctor of Philology, Professor*